

точками фигурной ручки в виде оленя из Ульского кургана почти точно соответствуют расстоянию между крайними выступами на верхнем крае нашего котла⁹.

Отличие котла из Мартоношского кургана от указанных котлов из ранних скифских курганов состоит в том, что у него, кроме утраченных в настоящее время декоративных фигурных ручек, сохранились пара вертикальных и пара горизонтально рас-

Рис. 1. Литой бронзовый котел из кургана у с. Мартоноша.

положенных ручек (рис. 1). При этом не лишено значения, что вертикальные ручки нашего котла украшены тремя бугорками — мотив, характерный для скифских котлов более позднего времени. Так как эти бугорки считают реликтом фигурных украшений ранней эпохи¹⁰, мы должны отметить, что на публикуемом котле они сочетались с декоративными фигурными ручками. Из этого следует, что котел из Мартоношского кургана принадлежит к переходному типу и является своеобразным звеном, соединяющим скифские котлы архаического и классического времени, т. е. принадлежит к VI или V вв. до н. э.¹¹.

Предложенная выше датировка подтверждается тем, что Мартоношский курган находился в непосредственной близости от ранних скифских городищ тясминской группы, которые относятся к VI—V вв. до н. э.¹² Этому не противоречит более ранняя датировка греческой вазы из того же кургана, которая относится к первой половине VI в. до н. э.¹³ — ведь она попала в степи Скифии не сразу после того, как вышла из рук ионийских мастеров. Поэтому и наш котел был изготовлен скорее всего в середине либо во второй половине VI в. до н. э., быть может, и в начале V в. до н. э.

⁹ Т. И. Боровка, ук. соч., стр. 193.

¹⁰ А. П. Манцевич, Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа «Сборник статей в честь проф. М. И. Артамонова», Л., 1961, стр. 149.

¹¹ Там же, стр. 150.

¹² И. В. Фабрициус, Тясминська експедиція, «Археологічні пам'ятки УРСР», т. II, 1949, стр. 96, 110 и др.

¹³ В. К. Мальмберг, ук. соч., стр. 48.

При решении вопроса о месте производства публикуемого котла не следует упускать из виду того обстоятельства, что одно из городищ тясминской группы, а именно Шарповское, было расположено весьма близко от Мартоношского кургана и что жители этого городища уже в VI в. до н. э. были хорошо знакомы с обработкой металлов¹⁴. Во всяком случае нам представляется, что нет оснований, которые заставляли бы считать этот котел привезенным издалека. В связи с этим приходится указать на известное свидетельство Геродота (кн. IV, гл. 18) об огромном бронзовом котле, изготовленном якобы по приказу скифского царя Арианта. Оставляя в стороне явно легендарные детали этого сообщения (по Геродоту, он был изготовлен из наконечников стрел и должен был служить мерилем численности и могущества скифов), мы считаем весьма важным то, что этот котел помещен «отцом истории» в конкретную географическую обстановку. Геродот указывает, что этот замечательный памятник хранился в местности Эксампай (Геродот, кн. IV, гл. 81). Указанную местность Геродот упоминает и в другом месте (кн. IV, гл. 52), сообщая, что она расположена на границе скифов-пахарей и алазонов. Сопоставляя относящиеся сюда высказывания, современные исследователи помещают Эксампай в районе впадения в Южный Буг реки Синюхи или Мертвовода¹⁵. В этом примерно месте открыты четыре скифских городища тясминской группы — Галушинское, Макеевское, Будянское и Шарповское, которые датируются VI—V вв. до н. э.¹⁶ Трудно воздержаться от предположения, что обитатели одного из этих городищ, хорошо знакомые с металлургией, и были мастерами, изготовившими котел, обнаруженный в Мартоношском кургане. Во всяком случае известно, что жители Каменского городища умели изготавливать такие котлы¹⁷. Поэтому трудно согласиться с исследователями, утверждающими, будто никаких указаний на производство скифских котлов в Северном Причерноморье нет¹⁸. Представляется, напротив, что слова Геродота о местном изготовлении котлов, сравниваемых им с «лесбосскими кашами» (Геродот, кн. IV, гл. 16), находят себе подтверждение в археологическом материале, не последнее место среди которого принадлежит бронзовому котлу из Мартоношского кургана.

¹⁴ И. В. Фабрициус, Тясминська експедиція, стр. 90, 96 и др.

¹⁵ Б. М. Граков, Скифи, Київ, 1947, стр. 8; ср. RE под словом *Exampalon*.

¹⁶ И. В. Фабрициус, Тясминська експедиція, стр. 90 слл.: ср. ее же, До питання про топографізацію племен Скифії, «Археологія», т. V, 1951, стр. 68.

¹⁷ Б. Н. Граков, Каменское городище на Днестре, МИА, № 36, 1954, стр. 115, ср. табл. XV, 6.

¹⁸ А. П. Манцевич, ук. соч., стр. 150.

БАНОЧНАЯ ПОСУДА МЕЖДУРЕЧЬЯ БУГА И ДНЕСТРА ПО МАТЕРИАЛАМ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В. И. Кузьменко

Междуречье Буга и Днестра в археологическом отношении изучено сравнительно хорошо. В прошлом этот край был густо заселен племенами, занимавшимися земледелием и скотоводством. По берегам больших рек, а также по берегам моря находились греческие города и отдельные поселения, жители которых вели оживленную торговлю с оседлыми и кочевыми племенами.

На обнаруженных в большом количестве поселениях, городищах и могильниках этого края найдены были орудия труда и бытовой материал из металла, кости и глины. Среди археологического материала в количественном отношении преобладает глиняная посуда. Нас в данном случае интересуют лепные сосуды баночной формы, найденные в междуречье Буга и Днестра.

Баночная посуда известна с древнейших времен и распространена на очень большой территории. Обычно баночную посуду исследователи относят к эпохе бронзы. Однако, это не совсем так. Прежде всего, в эпоху бронзы встречаются сосуды баночной формы, украшенные различными орнаментами. Примером могут быть лепные баночные сосуды, найденные в междуречье Буга и Днестра. Так, в фондах Одесского археологического музея хранится лепной баночный сосуд, украшенный по краю вен-

чика насечкой, а по тулову врезанными линиями, расположенными в разных направлениях сверху и идущими вдоль сосуда по тулову (рис. 1, 1). Этот сосуд найден при раскопках могильника в с. Киселово А. В. Добровольским. Наряду с описанным сосудом там же были найдены и другие баночные сосуды, украшенные орнаментом.

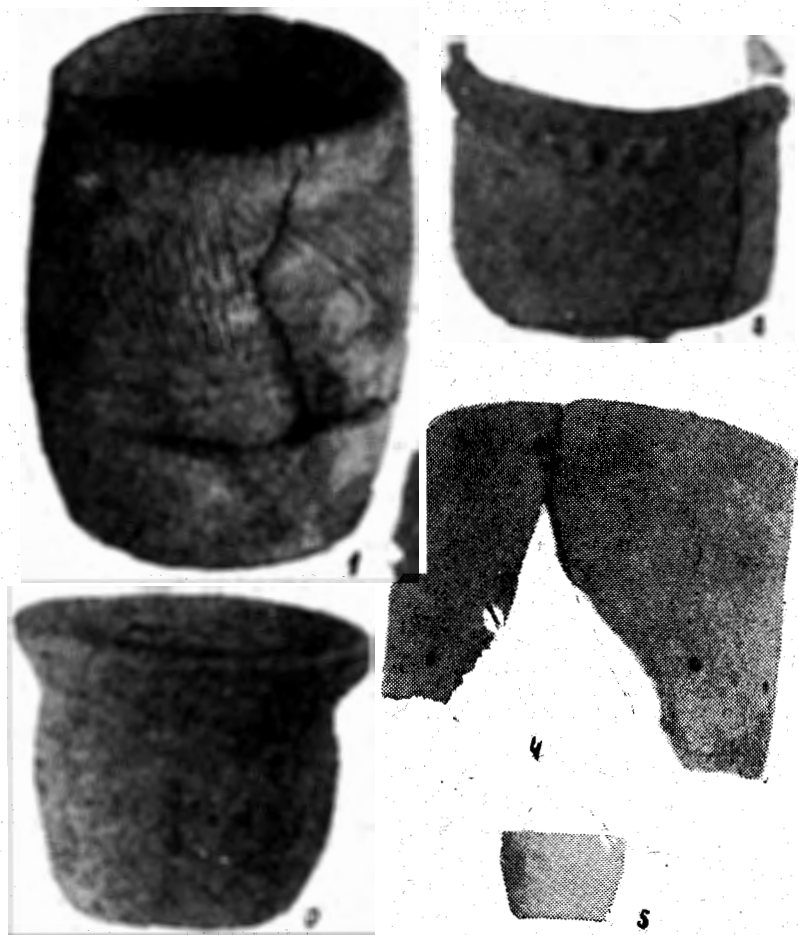

Рис. 1. Лепные сосуды баночной формы (1, 4 — сосуды из с. Киселово; 2 — обломок сосуда с о. Березань; 3 — сосуд из с. Кирилловка; 5 — обломок сосуда из городища у с. Роксоланы).

Баночные сосуды, найденные в междуречье Буга и Днестра, относятся не только к эпохе бронзы, но и к эпохе раннего железа. Отличие между баночной посудой эпохи бронзы и железа проследить трудно. Однако баночные сосуды эпохи бронзы чаще всего украшены чуть оттянутым валиком под венчиком или же налепным валиком, по которому идут пальцевые либо ногтевые вдавливания или насечки. Примером может быть баночная посуда из х. Черевичного, из Кривой Балки, Сухого лимана и других поселений вблизи Одессы. Такая же посуда (в единичных обломках) встречена и на острове Березань (рис. 1, 2).

Наряду с орнаментированной посудой баночного типа в эпоху бронзы встречаем и неорнаментированные банки, на описании которых останавливаться не будем.

Баночная посуда эпохи железа была найдена в окрестностях Одессы на поселениях Лузановка, Черноморка, Кривая Балка, а также на Надлиманском городище и на городище Роксоланы (Днестровский лиман). Подробно остановимся на описании баночной посуды из Роксолан и Надлиманского (раскопки 1959—1960 гг.).

Раскопками на Роксоланском городище наряду с античной посудой была найдена небольшое количество и лепная посуда местного производства. Эти простые серо-

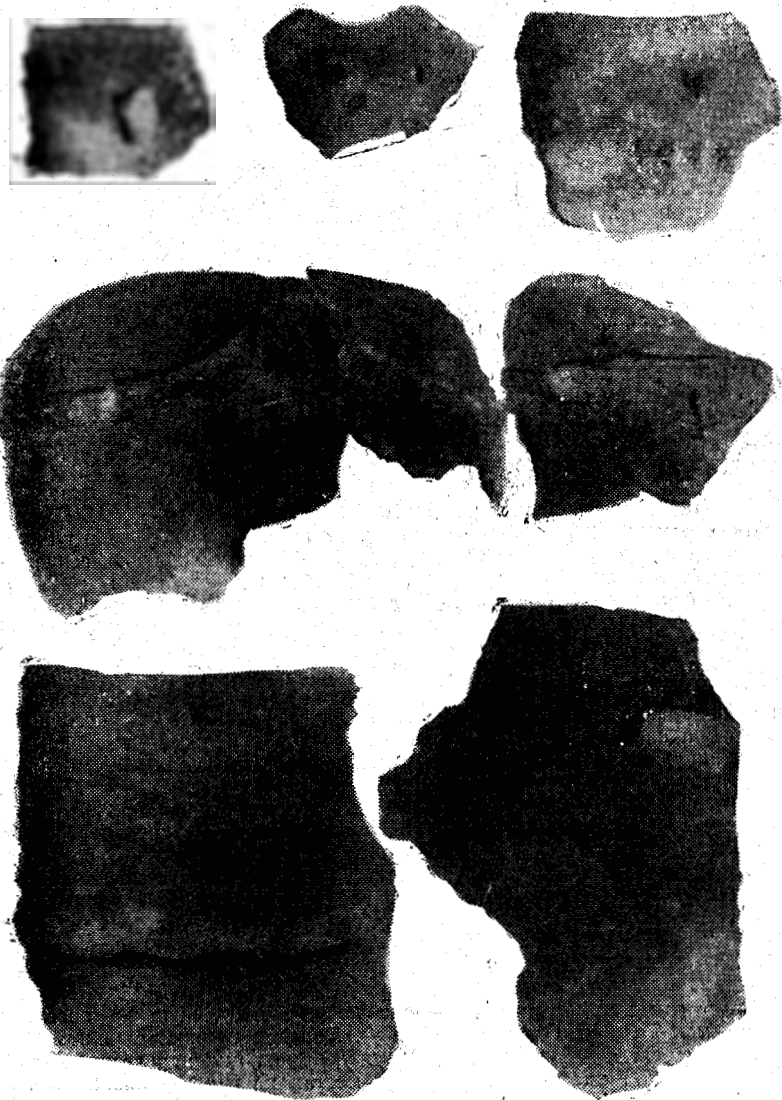

Рис. 2. Лепные сосуды баночной формы из городища у с. Роксоланы.

глиняные грубые кухонные банки, покрытые копотью, найдены были в различных раскопках, в ямах, в землянках и в остатках зданий возле очагов. Они были найдены на разной глубине от 0,40 м до 2,35 м.

В обнаруженной землянке на уч. III было найдено несколько обломков чернолазовых киликов (конца V в. до н. э. — IV в. до н. э.) и кольцеобразных толстостенных баночных сосудов, один обломок верхней части баночного сосуда¹ с прямым венчиком, под которым нанесены пальцевые вдавливания и небольшой шипообразный налеп-выступ. Внутренняя и внешняя поверхность сосуда очень хорошо заглажены, причем необходимо отметить, что все обломки баночных сосудов, извлеченные из землянки, бы-

¹ ОГАМ А—72937.

ли покрыты густым слоем копоти. В большинстве находки баночных сосудов из земли украшены наклепными валиками, по которым нанесены пальцевые вдавливания. Так, обломок баночного сосуда, венчик которого прямой, имеет наклепной валик². Поверхность сохранившейся части хорошо заглажена. Чаще встречаются в землянке обломки баночных сосудов, украшенных валиками и выступами-налепами, которые служили, вероятно, ручками-упорами. Примерами могут быть несколько обломков верхней части баночных сосудов³. Венчик одного обломка прямой, ниже венчика на расстоянии 4 см острым предметом по сырой глине нанесены насечки по одной линии, здесь же выступает наклеп-упор или своеобразная ручка. На некоторых обломках наклеплены валики с пальцевыми вдавливаниями и на них же выступают наклепы-упоры. Подобные сосуды встречались на Шарповском и других скифских городищах и поселениях.

В хозяйственных ямах встречаются обломки баночных сосудов. Так, в яме № 4 найдено было большое количество железных изделий, каифар IV в. до н. э., монеты Тиры IV в. до н. э.⁴ Вместе с этими находками встречен обломок верхней части баночного сосуда⁵. Край венчика этого сосуда загнут внутрь, венчик прямой. Ниже венчика (на 3 см) наклеплен валик с пальцевыми вдавливаниями и большим наклепом-выступом. В яме № 8 наряду с обломками амфор найдены обломки венчиков лепного баночного сосуда. Венчик прямой, ниже от него (на 4 см) наклеплен наклеп-выступ. Подобная посуда встречена на Шарповском городище, на поселении у Широкой балки.

Отличается от описанных еще один обломок верхней части баночного сосуда⁶. Венчик прямой, под венчиком сквозное отверстие, по-видимому, служившее для скрепления двух обломков. От края венчика на расстоянии 7 см идут по одной линии сквозные круглые отверстия. Сосуд был тонкостенным. Внешняя поверхность хорошо заглажена, внутренняя поверхность сосуда покрыта параллельными полосами, идущими от края венчика до дна. Назначение сосуда не совсем ясно. Аналогий к подобной баночной посуде нами не найдено на других поселениях.

В остатках каменного фундамента (на уч. № 1) ниже от него на глубине 0,95 м снова встречается баночная посуда⁷. Подобная посуда нами описана выше. Чрезвычайно мало было обнаружено обломков баночной посуды на глубине 1 м—2,5 м. Можно, впрочем, указать обломок верхней части лепного баночного сосуда⁸. Венчик прямой, от его края на расстоянии 3 см наклеплен валик, по которому небрежно нанесены пальцевые вдавливания. На валике наклеплен выступ, посредине которого нанесен также пальцевый отпечаток. На глубине 1,6 м найден хорошо залощенный обломок баночного сосуда⁹. Венчик прямой, ниже которого наклеплен валик с пальцевыми вдавливаниями и шипообразным наклепом. На выступе нанесен отпечаток большого пальца. На этой глубине были найдены обломки баночных сосудов с наклепами-выступами. Баночная посуда, обнаруженная в ямах и в остатках каменного фундамента, судя по найденным материалам, относится к IV в. до н. э.

Близкая посуда была обнаружена на Надлиманском городище, хотя такой посуды встречаем здесь очень мало. Это единичные обломки верхней части баночного сосуда. От края венчика на расстоянии 2 см наклеплен валик, по которому нанесены пальцевые вдавливания. На валике наклеплен выступ-налеп, посредине которого нанесен пальцевый отпечаток. Наряду с этим были найдены обломки баночных сосудов украшенных валиками с пальцевыми отпечатками, без наклепа-выступа, иногда украшенных под венчиком пальцевонотевым орнаментом. Описанная посуда, судя по многочисленным аналогиям и всему найденному материалу в комплексе, относится к IV—III вв. до н. э.

Необходимо отметить баночную лепную посуду, найденную на поселении Кирилловка (Кодымский район, Одесская область). Примером может служить небольшой желтоглиняный сосудик¹⁰. Венчик отогнут наружу, стенки цилиндрические, поверхность сосуда заглажена рукой мастера, в некоторых местах на тулове сохранились отпечатки пальцев. Высота сосуда 6 см (рис. 1, 3).

Таким образом, баночная посуда употребляется, начиная с эпохи бронзы вплоть до эпохи развитого железа.

² ОГАМ А—72903.

³ ОГАМ А—72904.

⁴ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, табл. XXVIII, 6.

⁵ ОГАМ А—72932.

⁶ ОГАМ А—72953.

⁷ ОГАМ А—72909.

⁸ ОГАМ А—72938.

⁹ ОГАМ А—72907.

¹⁰ ОГАМ А—72907.

¹¹ ОГАМ А—10209.

ЛЕГЕНДА О «ГИПЕРБОРЕЙСКИХ ДАРАХ» АПОЛЛОНУ И ПУТИ ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Л. А. Ельницкий

К числу наиболее распространенных мифов, связанных со скифским Севером, принадлежит древнегреческая легенда о гипербореях. Это предание, несомненно, культурного происхождения. Оно связано с древнейшими представлениями греков об удалении Аполлона на зимнее время в далекие страны и о его весеннем праздничном возвращении. Празднества в честь солнечного бога предполагали принесение ему даров, и воображение греков создало легенду о том, что эти священные дары происходят из той чудесной страны, где Аполлон проводит зиму. Носителями этих даров были специальные лица — перферы или гиперфоры. К наименованию последних и восходит, по всей вероятности, имя мифического народа гипербореев, не имевшего первоначально твердой географической локализации даже в легендах. Будучи связано с культом Аполлона, это имя встречалось и в Италии, и в Сицилии, и на юго-восточных берегах Средиземного моря, и на дальнем Севере. Именно последняя, т. е. северная, локализация гиперборейского мифа становится в конце концов наиболее распространенной¹.

Если корни легенды о гиперборейском Аполлоне уходят еще в религиозные верования минойского Крита, где и впоследствии один из летних месяцев назывался гиперберетом, то письменная и изобразительная традиция VI—III вв. до н. э. связывает чудесную страну, куда Аполлон удаляется на зиму, со скифским Севером, а народ гипербореев сопоставляется с аримасами, исседонами или агриппеями, мифическими или полумифическими жителями крайнего Севера евразийской ойкумены². Так было уже в VII—VI вв. до н. э., во времена Аристея из Проконнеса, легендарного автора эпической поэмы «Аримаспея». В этом произведении описывалось путешествие Аристея, сына Каистробия, скорее всего, жреца Аполлона и его двойника, в сказочную страну исседонов. По словам Геродота (IV, 13) автор «Аримаспеи» связывал гипербореев с Рипейскими горами (библейский Рифат), которые сопоставлялись греками сначала с Кавказом, а затем с Уралом или вообще с неопределенными северными горами.

История гиперборейского мифа представляет собой заманчивую тему для исследования. В настоящей заметке мы ограничимся анализом одной лишь ее детали. Речь идет о легендарном маршруте, по которому поступали в Грецию «гиперборейские дары» Аполлону. Древнейшие сведения об этом пути «из гипербореев в греки» приводит Геродот (IV, 33). По его словам, эти дары, обернутые в пшеничную солому, шли от скифов к Адрию; о пути их продвижения к побережью Адриатического моря можно только догадываться (судя по позднейшим преданиям, скорее всего по течению Дуная, который, как полагают греки, впадал одним устьем в Черное, а другим в Адриатическое море). От Адрии «гиперборейские дары» передавали на юго-восток к побережью Малийского залива, затем они поступали на о. Евбею и наконец через Карисс на о. Тенос они достигали Делоса, священного острова Аполлона. Подтверждение этой версии о легендарном пути «гиперборейских даров» от берегов Скифии к Делосу находим в более позднее время у Каллимаха. В гимне, обращенном к Делосу, он указывает, что эти священные реликвии достигали неизвестными путями Додону, оттуда направлялись в Малиду и через Евбею попадали на Делос³. Хотя Додона и лежит

¹ К следующему существенному шагу на пути возникновения имени гипербореев привело, вероятно, проникновение греков к берегам Фракии и Северо-Западного Понта. Здесь они познакомились с именем фракийского горного хребта, который еще на рубеже новой эры носил наименование Βογα τεινς (Liv., XLV, 29, 8). Глубокую древность этого наименования, родственного, быть может, славянскому «бор» в смысле «гора», «горный хребет», подтверждает и имя северного ветра Борея, локализованного в качестве мифологического персонажа именно во Фракии. Таким путем было легко прийти к обозначению живущих еще далее к северу народов общим именем гипербореев. См. O. Grunius, Hyperboreer, Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie, hrsg. von W. Roscher, т. I, ч. 2, Leipzig, 1886—1890, стр. 2805 сл.; ср. J. Harmatta, Sur l'origine du mythe des Hyperboréens. AAASH, т. III, вып. 1—2, 1955 стр. 57 сл.

² Antimach., frg. 11'; Hekat. (Schol. ad Apol. Rhod., II, 775); Steph. Byz. s. v. Hyperboreoi, также s. v. Tarkynia; ср. Plin., NH, IV, 34.

³ Kallimach., IV, 292. Связи Додоны с адриатической и дунайской торговлей выясняются отчасти на основании глоссы Асклепиодора в Etym. Magn. s. v. Dōdonaios, где Додона определяется как «гиперборейский» пункт. У Стефана Византийского (s. v. Galeotai) находим сообщение о прибытии в Додону Зевса Галеота, внука гиперборейского царя Забия. Кельтско-фракийские имена этих мифологических персонажей находят себе соответствие в «скифско-амазонских» именах гиперборейских